

БЫВШИЙ ЗОНДЕРФЮРЕР В ПОГОНЕ ЗА «ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДОЙ»

А. АНДЕРЛЕ, З. КВИЛИЧ (ГДР)*

Западногерманский историк Георг фон Раух любит повторять, что он служит только истине и признает только факты. Мы и начнем посвященную ему статью с некоторых фактов.

Факт первый. В ФРГ быстрыми темпами возрождается вермахт. Сформировано 7 из 12 западногерманских дивизий, запланированных штабом НАТО; комплектование остальных идет полным ходом, расходы на вооружение, по заверениям министра Штрауса, достигли к 1960 г. 10 млрд. марок, кривая расходов ползет все выше¹.

Факт второй. Возрождаемый вермахт готовится — под прикрытием лицемерных заявлений о «большевистской угрозе» — к походу против ГДР, против европейских социалистических стран. «Я думаю, — заявил не так давно канцлер Аденауэр, — что бог возложил на немецкий народ в эти бурные времена особую миссию — быть сторожевым Запада против тех могучих влияний, которым мы подвергаемся с Востока»².

**) От редакции. После опубликования журналом «История СССР» статьи Б. Спиру «Западногерманские остфоршеры на службе политики реваншизма» один из боннских «исследователей Востока» — Георг фон Раух прислал в редакцию письмо, в котором утверждает, что «в настоящее время немецкая историческая наука в Федеральной Германии не является ни фашистской, ни реваншистской, ни экспансионистской», а также просит редакцию принять к сведению, что он, Раух,*

1) «никогда не был зондерфюрером СД или СС»

2) «никогда не поддерживал программы Альфреда Розенберга».

Что касается положения, которое историк Георг фон Раух занимал в гитлеровском Третьем Рейхе, то Раух в то время был зондерфюрером гитлеровского вермахта. В декабрьском номере журнала «Volk und Reich» за 1941 г. в списке авторов значится: *Sonderführer, Dr. habil. Georg von Rauch* (стр. 850). К чиновникам этой категории принадлежали доверенные лица нацистского режима, выполнявшие особые поручения по колонизации и «германизации» оккупированных восточных областей.

Еще более существенно другое обстоятельство. «Труды» Рауха 30—40-х годов служили идейной подготовке и оправданию гитлеровской агрессии на Восток и, в частности, деятельности ведомства А. Розенберга. Подробное осветить эту сторону дела редакция попросила историков из ГДР товарищей Андерле и Квилича. Их статья отвечает и на более общий вопрос: служат ли делу реваншизма нынешние остфоршеры?

¹ См., напр., статью боннского военного министра Штрауса «La Bundeswehr et la défense de la République Fédérale» («Politique Etrangère», 1960, № 1, p. 5—14).

² «Bulletin des Presse — und Informationsamtes der Bundesregierung», 1960, № 15, S. 130.

Факт третий. Георг фон Раух имеет определенное отношение и к возрождению вермахта и к подготовке нового похода на Восток. Об этом говорит хотя бы его участие в справочнике боннских вооруженных сил «Исторические вопросы современности» и повторяемый в его последних работах тезис об «угрозе с Востока».

Обобщение этих и подобных им фактов приводит к неизбежному заключению: в Западной Германии интенсивно возрождается милитаризм, здесь вынашиваются реваншистские идеи. Идеи эти находят активную поддержку со стороны таких остфоршеров, как Герман Аубин, Вернер Маркерт, Клаус Менерт, Георг фон Раух и другие.

Раух в письме в редакцию журнала «История СССР» возражает против такого вывода. Однако правильность этого вывода подтверждает анализ его же собственных работ.

* * *

Раух всегда пытался облечь свои антисоветские выпады и шовинистические призывы в тогу «научности». Так, в переведенной и разрекламированной в США книге «История большевистской России», служащей в ФРГ настольным пособием для антикоммунистической пропаганды, он лицемерно-патетически провозглашает, что «советской историографии, исходящей из партийных догм», противостоят научная «методика и этика западного духа». «Нельзя следовать заранее начертанной схеме, — продолжает Раух, — надо стараться со всей свободой и ответственностью искать истину (*der Wahrheit nachzujagen*), даже если она и недостижима в своей абсолютной чистоте»³.

Однако проследим внимательнее путь Георга фон Рауха — выразителя «западного духа», посмотрим, чем была на деле та «погоня за правдой», которой он посвятил свою жизнь.

Уже в первых публикациях Рауха, в то время сотрудника Института отечественной истории при Тартуском (б. Дерптско-Юрьевском) университете, отчетливо проявляется резкая антирусская тенденция, типичная для немецкого прибалтийского дворянства. Он неблагосклонно отзывался о «русской торговле» в Прибалтике и «вторжении русских»⁴, удивляется тому, что в 1550 г. один из представителей привилегированного немецкого населения был приговорен советом города Дерпта к смертной казни за «нечестную» торговлю именно с русским купцом⁵. Изгнание шведов в ходе Северной войны из Эстонии и воссоединение этой страны с Россией Раух характеризует как уничтожение «цветущей жизни» и воцарение «полной безнадежности»⁶, хотя каждому, мало-мальски знакомому с историей эстонского и латышского народов, известно, что шведские завоеватели хозяйничали в прибалтийских областях, как в колониях, разоряя их огнем и мечом. Как раз в конце XVII в. Эстонию охватил голод, жертвой которого стала пятая часть населения. Такова была «цветущая жизнь». Последующая же «безнадежность» заключалась в том, что в результате включения в русское феодально-абсолютистское государство эстонская и латышская области все же получили относительно более благоприятные возможности для дальнейшего экономического и культурного развития, им был обеспечен двухсотлетний мир⁷.

³ G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1955, S. 12.

⁴ G. v. Rauch. Der Fall Vegesack im Jahre 1550, «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1930», Tartu, 1932, S. 158; Ero же. Aus dem wissenschaftlichen Leben der schwedischen Universität Dorpat. «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga, 1934». Riga, 1936, S. 128.

⁵ G. v. Rauch. Der Fall Vegesack im Jahre 1550, S. 191.

⁶ G. v. Rauch. Aus dem wissenschaftlichen Leben der schwedischen Universität Dorpat, S. 141.

⁷ См. В. Лилль, В. Маамяги. Эстонская ССР. Краткий ист.-эконом. очерк. М., 1955, стр. 16 и др.; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в.», М., 1957, стр. 652 и др.

Националистическая направленность закономерно приводит Рауха в середине 30-х годов в русло фашистского «остфоршунга», обосновывавшего — в соответствии с вполне очевидными политическими целями — легенду о ведущей роли «германского элемента» на всем пространстве между Балтийским и Адриатическим морями.

Как известно, после установления гитлеровской диктатуры в Германии «остфоршунг» становится незаменимым средством идеологической подготовки похода против СССР. Вызванный к жизни еще в 1933 г. «Северо-восточное немецкое общество исследователей» (с 1935 г. — «Северное и Восточное немецкое общество исследователей») под руководством А. Бракмана, Г. Аубина, И. Папритца поставило своей целью, помимо всего прочего, «создать идеологическую «пятую колонну» из историков, проживающих в Прибалтике»⁸.

В первый же год издания журнала «Jomsburg», начавшего выходить по инициативе упомянутого общества в 1937 г., на его страницах в одной компании с А. Бракманом, Т. Оберлендером и П. Х. Серафимом, выступил и Раух. Он опубликовал небольшой доклад, в котором пытался «научно» доказать, что в формировании эстонского национального сознания определяющую роль сыграли прибалтийские немцы и превозносил «цивилизаторскую миссию» немецких пасторов и дворян⁹. Но утверждать это — значит переворачивать факты истории с ног на голову. Прогрессивная, демократическая эстонская культура возникла как раз в борьбе против враждебной народу «культуры» германских «цивилизаторов». Выдающийся деятель эстонской культуры XIX в. Крейцвальд назвал немецких пасторов «худшими врагами прогресса, образования и просвещения». Он писал: «Только разделившись с попами и обскурантами, сможем мы говорить о духовном прогрессе»¹⁰.

Но Раух пробавляется в эти годы еще и другой «теорией», извлеченной из мусорного ящика «исторических» аргументов немецкого прибалтийского дворянства. В 1939 г. он опубликовал в «Немецко-шведском ежегоднике» пространную статью о викингх в Восточной Прибалтике, где доказывал, что «северный элемент» в лице варягов принес восточнославянским племенам государственную организацию, которую они сами были будто не в состоянии создать. Из этого Раух заключает, что благодаря воздействию «скандинавского влияния» нынешние прибалтийские области издавна «обращали свой взор на Запад».

В той же работе Георг фон Раух не только проповедует пресловутую норманскую теорию, но и оправдывает заодно вторжение рыцарей-крестоносцев на земли эстонцев, литовцев и латышей. «Аргументы» — те же, к которым всегда, а сегодня в особенности, прибегают остфоршеры, коль скоро заходит речь об оправдании агрессии немецких феодалов (а впоследствии прусских юнкеров и германского империализма) на Восток. Раух выдумывает «русскую опасность», которая превратилась в «непосредственную угрозу со времени Александра Невского», в силу чего рыцарские немецкие ордена поспешили — в качестве «избавителей» народов Прибалтики — «защищать границы» на Чудском озере¹¹.

Но как в действительности выглядело «заступничество» псов-рыцарей? Вторгшись в Восточную Прибалтику, крестоносцы лишили русских их главенства над этой областью. Для Русского государства были характерны раннефеодальные формы порабощения, т. е. более или менее регулярный сбор дани, исключавший, однако, длительную военную оккупацию страны.

⁸ См. статью «Die 'Ostforschung' — ein Stosstrupp des deutschen Imperialismus», «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, S. 1181 ff.

⁹ G. v. Rauch. Die estnische Volkskultur und der deutsche Gutsherr und Pastor, «Jomsburg. Völker und Staaten im Osten und Norden Europas», 1937, S. 490 ff.

¹⁰ См. В. Лилль, В. Маамяги. Указ. соч., стр. 20.

¹¹ G. v. Rauch. Wikingen im Ostbaltikum, «Deutsch-Schwedisches Jahrbuch», 1939, S. 12 ff, 33.

Методы же крестоносцев, напротив, состояли прежде всего в массовой военной колонизации, насильственном обращении в христианство, в истреблении значительной части населения «огнем и мечом». Так, в известной «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского говорится, что в 1215 г. рыцари предприняли поход на Уганди и Файга (Ugandi u Vaiga), «никого при этом не пощадив: все мужчины были умерщвлены, а женщины и дети захвачены в плен... и они возвратились радостными и с богатой добычей»¹².

Общая угроза со стороны немецких рыцарских орденов и явилась, таким образом, основой для русско-прибалтийских связей.

Но, собственно говоря, реальная история народов Прибалтики мало интересовала фон Рауха — он готовил «историческую» аргументацию для распространения фашистского «нового порядка» на Восток, доказывая, что народы Прибалтийских стран якобы не способны сами определять свою судьбу и нуждаются в руководстве «немецкого упорядочивающего элемента».

С начала развязанной гитлеровцами второй мировой войны фаланга остфоршеров безоговорочно становится на службу преступного фашистского военного разбоя. Пришло время открыто выступить в защиту «нового порядка» в Восточной Европе и Георгу фон Рауху. Еще до того он переселился «домой, в империю»¹³ и стал сотрудником пресловутого Имперского университета в Познани, с его находившимся под прямым покровительством Геринга и СС «Reichsstiftung für deutsche Ostforschung».

В своей статье «Англия и польское восстание 1863 г.»¹⁴ (ноябрь 1940 г.) Раух приписывает вину за поражение польских повстанцев исключительно правящим кругам Польши и предательству Англии, замалчивая активную роль прусских юнкеров в подавлении восстания. В другой статье, опубликованной в нацистском журнале «Volk und Reich», под названием «Англия и Россия во время турецкой войны 1877—78 гг.», Раух доказывает, что английский империализм всегда использовал балканские народы, и в особенности турок как орудие против своих противников. Но для чего понадобились Рауху эти сами по себе очевидные факты? Для того, чтобы оправдать преступное вторжение гитлеровцев в Польшу и на Балканы. «В наши дни,— радостно констатирует он,— исчезают последние остатки пагубного английского влияния на юго-востоке европейского материка»¹⁵. Прекрасной иллюстрацией к этим выводам служили публикуемые в том же номере журнала снимки немецких танковых колонн, переправляющихся через Дунай, и выдержки из речей Риббентропа, который провозглашал: «1941 год окончательно разорвет завесу английской пропаганды. Этой весной место английской лжи займут немецкие факты. Армии держав оси вышли в поход: они готовы к прыжку, чтобы настичь и бить англичан там, где они только покажутся»¹⁶.

Однако в центре интересов остфоршера Рауха по-прежнему остается история Прибалтики, в особенности Эстонии и Латвии. Эти страны, утверждает Раух, по своему развитию относятся к сфере западной «германско-протестантской» культуры: они являются «северной пограничной маркой», «плацдармом» (Trutzbürg) Запада. Принадлежность этих областей к «европейскому жизненному пространству»¹⁷ доказывается якобы ведущей ролью «северного», в особенности же немецкого, элемен-

¹² «Heinrich's livländische Chronik», Hannover, 1955, S. 118 f.

¹³ «Домой — в империю!» — фашистский лозунг, обращенный к немцам, жившим за пределами Германии. *Прим. переводчика.*

¹⁴ G. v. Rauch. England und der polnische Aufstand von 1863, «Geist der Zeit», Jg. 18, 1940.

¹⁵ G. v. Rauch. England und Russland während des Türkenkrieges 1877 bis 1878, «Volk und Reich», 1941, № 17, S. 202.

¹⁶ Там же, S. 203, 205.

¹⁷ G. v. Rauch. Volks- und Staatsauffassung in Livland zur polnischen und schwedischen Zeit, «Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung», 1940, S. 453.

та в их истории. Фашистский историк, разумеется, не упоминает о том, что тонкая привилегированная прослойка прибалтийских немцев,— которую он называет залогом «порядка» и «благоденствия» страны,— была на деле паразитическим наростом на теле латышского и эстонского народов, что сила этой господствующей прослойки основывалась на зверской эксплуатации коренного населения. Кстати, известное представление о действительной роли немецкого дворянства в Прибалтике дает книга одного немецкого путешественника, посетившего Эстонию в конце XVIII в. «Немец,— писал он,— представляется ему (эстонцу — *Авт.*) чудовищем, которым он пугает своих детей. Если дети кричат, не хотят быть смиренными и послушными, родители говорят им: ...«Тише, немец идет!» ...Эти повседневные изъявления неприязни, ненависти и отвращения понуждают немцев всегда бояться мятежа и возмущения, ибо при этом ни одного из них не осталось бы в живых». В заключение автор бросает в лицо немецкой верхушке страстный упрек: «Жалкие дворяне, как много невинной крови попранных вами подданных вызывает против вас к богу! Как надеетесь вы оправдаться перед этим судьей за вашу тиранию над многими вашими ближними, для коих гнет рабства был столь тяжел, что убил их?»¹⁸

Впрочем, могли ли подобные свидетельства современников прежних немецких порядков в Прибалтике тревожить совесть Рауха? Ведь и «новый порядок» в Европе, которому он сам служил, был организацией грабежа, насилия, кровавых расправ над народами Европы.

Политические мотивы «научных» изысканий Рауха, пожалуй, отчетливее всего выразились в следующих словах: «Пережив падение Первой империи в эпоху Наполеона, оно (немецкое население Латвии и Эстонии. — *Авт.*) восприняло воссоединение Второй, малогерманской империи Бисмарком с живейшим дружеским сочувствием. Создание Третьей, великогерманской империи Адольфа Гитлера привело прибалтийских немцев в состояние бурного националистического экстаза, так как открывало перед ними — после тяжелых лет блужданий и поисков нового политического идеала, после безнадежной борьбы за существование — возможность вернуться в Германию и начать новую жизнь. Но будущее страны, которая издревле была немецкой колонией на Балтике (!), пребывает в неизвестности»¹⁹.

Подобные высказывания не оставляют сомнений в том, какому делу служил фон Раух в гитлеровской империи еще до нападения на СССР.

После вероломного нападения гитлеровцев на СССР в июне 1941 г., в результате прорыва фашистских полчищ к Ленинграду, область между Чудским и Ильмень-озером, которую Раух всегда характеризовал как «окраину Запада», оказалась почти целиком захваченной войсками оккупантов. Эти события послужили зондерфюреру поводом для того, чтобы вновь пропеть хвалебный гимн геополитике и расизму. Для Рауха вообще не существует того обстоятельства, что новгородские и псковские земли представляют собой область древнейших славянских поселений и искони составляли неотъемлемую часть России. «С незапамятных времен,— заявляет он,— это пространство было полем вторжения германцев». Фашиствующий псевдоученый сообщает в своем «труде», что между русскими рыбаками, обитающими на псковских землях, сохранились «чисто нордические расовые типы с яркими германскими чертами, которые стоят на голову выше своего окружения» (!).

Согласно расистским домыслам Рауха, основной импульс историческому развитию России давали «нордические волны», вливавшие в славянскую расу «свежую кровь». Первой «волной» явились все те же ва-

¹⁸ J. Ch. Petri. Ehstland und die Ehsten, oder historisch-geographisch-statistisches Gemälde von Ehstland. Gotha, 1802, S. 305, 361, 364.

¹⁹ G. v. Rauch. Volks- und Staatsauffassung in Livland zur polnischen und schwedischen Zeit, S. 473.

ряги, а также рыцарские ордена и Ганза. После русско-шведской войны, в царствование Петра I, «немецкое начало» вновь принимает известное участие в жизни России, внося в нее «элемент порядка». Наконец, третья «волна» — нашествие немецких полчищ в 1918 г. Раух скорбит о том, что тогда не удалось одолеть Советскую власть и что запланированный в 1918 г. немецким командованием и одобренный послом в Москве Гельферихом поход на Петроград «с целью уничтожения большевизма» так и не был осуществлен «из-за отсутствия единства в военном руководстве и неясной формулировки целей германского наступления на Восток». Тем более восторженно приветствует зондерфюрер успеха немецкого вермахта на этом «древнем поле приложения германских сил», которое «вырвано теперь из рук большевизма»²⁰.

Прочитируем теперь для сравнения несколько мест из инструкции министра восточных оккупированных областей Розенберга, фигурировавшей в числе других обвинительных документов на Нюрнбергском процессе (Документ ПС — 1029, США — 145). «Все области между Нарвой и Тильзитом, — говорится здесь, — поддерживали постоянно тесные общения с германским народом. Насчитывающая семь столетий история сформировала внутренние симпатии большинства национальностей, населяющих эти области, направила эти симпатии к Европе и включила эти области в жизненное пространство великой Германии. Целью имперского уполномоченного в Эстонии, Латвии, Литве и Белоруссии должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть Великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов... Страна, которая 700 лет назад была захвачена германскими рыцарями, создана ганзейским союзом и которая по причине постоянного притока германской крови вместе со шведскими элементами была преимущественно германизированной страной, должна быть превращена в сильную пограничную область Германии»²¹.

Кто может отрицать полное идейное тождество изысканий Рауха конца 30-х — начала 40-х годов с наставлениями творцов фашистского «нового порядка» в Европе вроде Розенберга? Разве что сам Раух и ему подобные представители «западной науки», посвятившие свою жизнь «погоне за исторической правдой». Что ж, это естественно. Розенберг на Нюрнбергском процессе тоже отрицал свою причастность к злодеяниям, которые совершили гитлеровцы в России...

Но Раух отдавал свой голос политике, которая с самого начала была обречена на провал. Разгром гитлеровской Германии заставил умолкнуть и фашистского остфюрера. Однако ненадолго.

* * *

После поражения во второй мировой войне германский империализм ищет новые пути и средства к возрождению былой мощи, новое идеологическое облачение своих экспансионистских устремлений на Восток. Для Георга фон Рауха снова открылась возможность служить тому делу, ради которого он когда-то перебрался в гитлеровский рейх. Однако в концепции Рауха произошли некоторые изменения в соответствии с потребностями официального идеологического курса боннского государства. Раух быстро перестроился — осталась основная антисоветская установка, но исчезла «вражда» к английскому империализму, поборник «нового порядка» в Европе превратился в глашатая «единства Европы» под руководством американского монополистического капитала.

²⁰ G. v. Rauch. Zwischen Peipus- und Ilmensee. «Volk und Reich», 1941, S. 818, 819, 820, 821.

²¹ «Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками». Сб. материалов в 7 томах, т. 2, М., 1958, стр. 550.

Интересно рассмотреть под этим углом зрения первую большую послевоенную статью Рауха, появившуюся в декабре 1949 г.²² Теперь он уже не выступает с открытым забралом, как в гитлеровские времена, а прибегает к инсказанию и намекам. Характеризуя отношение Константина Франца и Анри Мартена к проблеме «Россия и Запад» в середине прошлого века, Раух самым отбором материала подчеркивает следующую уже знакомую нам мысль: Россия якобы всегда угрожала Западу; если война между европейскими государствами была гражданской, то война против России — борьбой за само существование «западной цивилизации». Раух пропагандирует идеи Мартена и Франца о создании «европейской федерации», в которой Германия играла бы решающую роль, ибо «без Германии нет Европы». Наряду с США «Соединенные Штаты Европы» должны стать второй мировой державой: России же, лишенной своих западных областей, придется в качестве третьей степенной державы ограничиться Северной Азией и Дальним Востоком. Интеграция Европы необходима, ибо от этого зависит, будет ли существовать «первая среди человеческих рас (Западная Европа) или только наша дочь Америка сохранит избранную часть человечества». Раух целиком одобряет эти идеи Анри Мартена.

Рассматривая вопрос о том, почему проекты Константина Франца и Анри Мартена «остались на бумаге и не повлияли на практическую политику», Раух приходит к выводу, весьма характерному для его классовой позиции. Оказывается, условия для их осуществления тогда «еще не созрели». Читателю остается заключить, что такие времена наступают теперь. Если к этому добавить одобрительное отношение Рауха к выводам Франца о том, что наступивший в наше время период революционного развития может быть прерван лишь «обновлением религиозного сознания», то станет ясно: Раух уже в конце 1949 г. попадал в тон лозунгам клерикально-милитаристской клики Аденауэра.

В центре внимания боннского историка Рауха в 50-е годы — «история большевистской России». Уже на первых страницах упомянутого нами «труда» под таким названием Раух, еще недавно сам участвовавший в провалившемся «освобождении» России от большевиков, спрашивает: «Можно ли надеяться, что и на этот раз свершится освобождение русского народа и других народов Восточной Европы, как в свое время было, в конце концов, взорвано изнутри господство татар?»²³

Собственно говоря, книга Рауха, как и вся его деятельность на службе аденауэровского государства, подчинена выяснению того, как «взорвать» советский строй. Не удивительно, что при этом он пользуется всеми мутными источниками — начиная от реакционной буржуазной литературы и кончая белоэмигрантской и трокистской стряпней. Раух не задается целью проследить закономерности исторического развития народов СССР; он конструирует некие «линии развития» России, представляющие вариацию клеветнических веховских построений.

Одна «линия развития» воплощалась якобы в «принципе автократии, или деспотии»; важнейшими этапами ее были господство монголов, Московское централизованное государство, царское самодержавие XVIII—XIX вв. и ...Советское государство.

Вторая «линия», которую Раух характеризует как «более свободную», основывалась будто бы на «принципе федерализма». К ней он относит такие явления, как «рыхлое» (lose) государственное устройство Киевской Руси, Новгородскую феодальную республику, стремление прибалтийских баронов к автономии, федералистские и сепаратистские тенденции зарождающегося буржуазного национализма²⁴.

²² G. v. Rauch. Einheit und Grenzen Europas bei Constantin Frantz und Henri Martin, «Europa-Archiv», 1949, № 23/24, S. 2656—2674.

²³ G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, Wiesbaden, 1955, S. 15.

²⁴ G. v. Rauch. Der Föderalismus als Element der russischen Geschichte, «Europa-

Вновь объявив Киевскую Русь варяжским, а потому и «германским» государственным образованием, Раух приходит в своих последних «трудах» к заключению, что «в период, предшествующий татарскому нашествию, различия между Западом и Востоком, противоречий между ними еще не было, и поэтому Киевское государство следует рассматривать как законную часть Европы»²⁵.

Именно в Киевской Руси Раух обнаруживает исходный пункт «свободного», «федералистического» развития России. В независимости феодальных князей он усматривает «принцип западной свободы», осуществлявшийся в противовес «московскому деспотизму», забывая, однако, что формирование единого Московского централизованного государства представляло собой дальнейшее закономерное развитие тех же феодальных отношений, характерное не только для России, но и для столь часто упоминаемого им «западного мира».

Решающий поворот в истории России Раух видит в нашествии татар и их продолжительном господстве над Русью. Здесь он многократно повторяет избитый реакционный тезис, согласно которому монгольское иго якобы определило характер русского народа, обусловило природу Русского государства²⁶. Так, он пишет: «Со временем татарский дух проникает в общественно-социальную структуру Великороссии. Принцип воинской повинности всех сословий, исключительное право князей распоряжаться землей и многое другое — все это результаты влияния татарского господства, которые превратились в основополагающие факторы московской государственности»²⁷.

При этом Раух умышленно игнорирует исследования советских историков, которые неопровержимо доказали, что русский национальный характер сложился как раз в борьбе с чужеземным господством, а образование Русского государства явилось результатом внутреннего развития России, преодоления феодальной раздробленности. Создание единого централизованного государства было для своего времени прогрессивным явлением. Стремление к централизации было отнюдь не подражанием татарским формам правления, — как раз напротив, оно родилось в борьбе против татарского ига.

Верно другое — разрушение производительных сил в результате татаро-монгольского владычества, политика завоевателей, задерживавших рост городов, действительно отбросили Россию на сотни лет назад. Развитие буржуазных отношений в России значительно запоздало по сравнению с передовыми странами Европы, для нее была характерна исключительная живучесть остатков феодализма. Но и остатки феодализма и капитализм давно сметены социалистической революцией в России, кануло в вечность и русское самодержавие, а Раух все еще отыскивает в современном социалистическом государстве столь нужные ему «татарские черты».

Объединяя совершенно разнородные в социальном отношении явления, нарушая все научные принципы конкретно-исторического анализа, Раух докатывается на этом скользком пути до чудовищных утверждений. Он уверяет, будто советский демократический строй представляет собой «вершину автократической линии развития», и именует период с Октября «темной главой в истории человечества». Впрочем, можно ли иного ожидать от человека, который самой «светлой главой» в этой истории считал «Третью Великогерманскую империю» Адольфа Гитлера?

Возникает вопрос: какова же конечная цель и смысл подобных «иска-

Archiv», 1951; Его же. *Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt. Föderalistische Kräfte und Ideen in der russischen Geschichte*, München, 1953.

²⁵ G. v. Rauch. *Russland und Europa im Zwiegespräch*, «Archiv für Kulturgeschichte», 1953, S. 231.

²⁶ Там же, стр. 13, 22, 27.

²⁷ G. v. Rauch. *Volk und Staat in der russischen Geschichte. Zum Problem der Autokratie in Russland*. «Europa-Archiv», 1952, S. 5114.

ний»? На это сам Раух дает недвусмысленный ответ. Оказывается, он открыл, что «Россия с древнейших времен шла по пути христианско-европейского развития и узы, связывающие ее с западным миром, остались вечно живыми под игом татарского угнетения, московской автократии и большевистской диктатуры Советов»²⁸. Однако, констатирует Раух, большевизм — это феномен, выходящий за рамки чисто русской истории. Он «не может быть преодолен одними только собственными силами русского духа»²⁹. Надо ли говорить, что подобные «открытия» до зарезу нужны боннским реваншистам, готовящим под флагом «защиты» христианского Запада от коммунистов новый поход на социалистический Восток?

Вполне естественно, что в послевоенных работах Рауха вновь всплывают на поверхность уже знакомые нам «восточная опасность» и «цивилизующий западный элемент». Так, в статье «И. Ф. Фальмерайер и русская государственная идея у Ф. И. Тютчева» Раух на многих страницах цитирует изречения Фальмерайера о так называемой «русской угрозе». Анализируя взгляды русских славянофилов, он делает следующий вывод: «Но все они не могли предполагать, что идея великой универсальной восточной империи, связывавшаяся с надеждами на «закат Европы», несколько поколений спустя будет осуществлена политическим направлением, унаследовавшим, с точки зрения Тютчева, тот европейский дух, против которого он выступил в поход сто лет тому назад. Это был «дикий необузданный поток», предугаданный пророческим взором И. Ф. Фальмерайера, который в оценке тогда еще спавших глубинных сил русского народа оказался прозорливее, чем Тютчев, его русский антипод и собеседник»³⁰.

В тесной связи с рассуждениями Рауха о так называемой «русской опасности» находится его тезис об определяющей роли «западного», в особенности немецкого влияния на Восток. Россия, по его представлениям, рано или поздно должна «прийти к Западу». Высшей точкой ее «европеизации» была эпоха Петра I, благодаря которой Россия «вступила в орбиту западного мира»³¹. «На жизнь России,— восклицает Раух,— в невиданной степени повлияла немецкая свобода»³². Однако как приверженец НАТО Раух не ограничивается восхвалением активной роли одного только «немецкого элемента» в так называемой «европеизации» России. Он указывает в этой связи на заслуги англичан, шотландцев, французов, голландцев и, наконец... украинцев (тем самым Раух поддерживает известный антисоветский тезис, согласно которому Украина, в противоположность России, всегда принадлежала к «западному миру»).

Раух предпринимает характерную для буржуазной псевдонауки попытку представить процесс развития Востока как результат «вестернизации» — проникновения туда западного «цивилизующего элемента». Он отрицает тем самым, что прогресс России был обусловлен прежде всего внутренними причинами, что влияния играли при этом хотя и существенную, но подчиненную роль, что прогрессивные западные идеи творчески применялись народом на русской почве. Но, впрочем, разговор с Раухом об истинной роли западных влияний в России совершенно беспредметен. Его «культуртрегерство» служит отнюдь не научным целям, его работы не имеют ничего общего с научным исследованием прошлого народов СССР. Приоткрывая завесу над истинным смыслом разговоров о немецкой культурной миссии на Востоке, Раух пишет: «Западный дух нуждается в бесконечных аморфных восточных

²⁸ G. v. Rauch. Volk und Staat in der russischen Geschichte, S. 5119.

²⁹ G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 581. Подробную рецензию см. «История СССР», 1957, № 5, стр. 260—268.

³⁰ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1953, «Neue Folge», Bd. I, № 1, S. 96.

³¹ G. v. Rauch. Russland und Europa im Zwiegespräch, S. 32.

³² G. v. Rauch. Moskau und der Westen, «Archiv für Kulturgeschichte», 1951, S. 34.

окраинах европейского континента... Русский же дух нуждается в контакте с Западом, чтобы, вновь и вновь воспринимая западный элемент, придать неоформленным туземным силам форму и облик и тем самым найти противовес варварски демонической мощи»³³.

Эти строки, опубликованные в 1953 г., отличаются от расовой теории Розенберга о «северной расе господ» и «степных людях Востока» разве что формой выражения. Нужны ли еще доказательства того, что Раух не способен отречься от своего прошлого и сегодня еще находится на почве фашистской идеологии?

Добавим, что и «критикуя» Гитлера в своих последних «трудах» Раух также служит делу подготовки нового «крестового похода» на Восток. Он предостерегает от повторения «ложной тактики» гитлеризма в борьбе против СССР. «Колоссальные возможности открывались перед германской восточной политикой, когда она придерживалась основ психологического ведения войны», — пишет он в «Истории большевистской России» и поясняет: «Можно было в этой игре пойти картой освобождения окраин, можно было придать борьбе с большевизмом характер крестового похода, как это замыслил маршал Фош в 1919 г. Можно было даже, по-видимому, помочь водвориться русскому антибольшевистскому режиму фашистского толка или расчленив страну на отдельные национальные государства скрупулезным проведением политики «разделяй и властвуй»»³⁴. Но Гитлер, сожалеет фон Раух, «не придерживался последовательно ни одного из этих путей».

Таковы те «уроки», которые извлекает бывший зондерфюрер и нынешний боннский историк из поражения гитлеровской Германии во второй мировой войне. Его «анализ» событий недавнего прошлого, как две капли воды похож на откровения боннских милитаристов, заявивших недавно на страницах военного журнала «Wehrkunde», что, будь у них атомное оружие, они довели бы до победного конца свой поход на Восток. «Окруженный немецкими войсками уже в сентябре 1941 г. Ленинград, — писал здесь распоясавшийся боннский вояка, — был бы в кратчайший срок повергнут атомными ударами, как была подвергнута впоследствии Севастопольская крепость. Очистка котлов под Киевом, Брянском и Вязьмой осенью 1941 г. была бы проведена при помощи атомного оружия за несколько часов, а не отняла бы несколько недель. Такая экономия времени в огромной степени способствовала бы продолжению немецкого наступления. Немецкие вооруженные силы не застряли бы в период распутицы и наступившей зимы, а сибирские дивизии не смогли бы вовремя подоспеть на европейский плацдарм военных действий, тем более, что было вполне возможно заранее атомизировать Москву как один из важнейших центров сообщения»³⁵.

Воистину, «аргументы» наемных писак, подвизающихся на ниве остфоршунга, остаются столь же неизменными, как и агрессивные планы боннских генералов. Изменилось только одно — и об этом им не следует забывать — изменилось соотношение сил на мировой арене. Судьбы мира определяются сегодня идеями марксизма-ленинизма, ростом сил социализма и мира, а не планами Аденауэра и Штрауса, не писаниями господина фон Рауха и его коллег!

* * *

Все «труды» Рауха — написанные им в буржуазной Эстонии в 30-е годы, в гитлеровском рейхе в конце 30-х — начале 40-х годов и в нынешнем боннском государстве, служили и служат обоснованию реакци-

³³ G. v. Rauch. Russland und Europa im Zwiegespräch, S. 233.

³⁴ G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland, S. 420.

³⁵ «Wehrkunde», Bonn, Juli 1960. Цит. по газете «Neues Deutschland», 21 August. 1960.

онной политики германского империализма, известной под именем «Drang nach Osten». Но события последних десятилетий — разгром гитлеровских полчищ на полях России, утверждение социалистического строя в восточноевропейских странах — не могли не оставить своего глубокого следа и на работах нынешних остфоршеров. Сам Раух постоянно повторяет, что творцы «нового порядка» в Европе плохо учились у истории, он призывает их нынешних последователей впредь избегать ошибок, «допущенных в немецкой восточной политике во время второй мировой войны»³⁶.

Именно этим стремлением как-то осмыслить уроки недавних поражений империалистической политики — а не только маскировкой фальсификатора — объясняются постоянные призывы Рауха к поискам «исторической правды», к объективности в научном исследовании.

Но работы остфоршера Рауха подтверждают еще раз давно известную истину: идеологи реакционных классов по самой своей природе, в силу кровных связей с реакцией, не могут раскрыть истинного существа социальных процессов, происходящих в мире. Раух разыскивает тенденции, «разрушающие» социализм «изнутри», а факты последних лет говорят о невиданном усилении социализма. Раух отыскивает «на Западе» силы, способные «победить» большевизм «извне», а история с каждым днем все больше обнажает их бессилие. Раух пытается исправить «промахи» империалистической «восточной политики», а вся история говорит о ее полной обреченности. История идет против реакционеров и вопреки реакционерам, и не потому ли Раух заканчивает свою статью в упомянутом сборнике боннских вооруженных сил весьма знаменательным признанием. «Западное христианство, — заявляет он, — не может выстоять перед большевистской системой и ее демонической духовной мощью... Противостоять большевистскому пониманию истории и человека, марксистскому материализму может только и единственно сила божья в образе христианского откровения»³⁷.

Страх перед «большевистской системой» и «демонической духовной мощью большевизма» — это и есть не что иное, как признание превосходства социализма и марксистской науки, познающей объективные законы истории и опирающейся на них.

Упование только и единственно на «силу божью» и есть признание бессилия капитализма и банкротства буржуазной идеологии, неспособной понять смысл происходящего, испытывающий страх перед законами истории.

Дело, которому служит остфоршунг, обречено — эту простую истину легко вычитать между строк рауховских «трудов».

³⁶ См., напр., G. v. Rauch. Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt, S. 206.

³⁷ G. v. Rauch. Das sowjetische und sowjetzonale Geschichtsbild, «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, Tübingen, 1957, S. 348.

